

Леопольд Цесюлевич

КРЕСТЬЯНЕ АЛТАЯ О НИКОЛАЕ РЕРИХЕ

«Вахрамей по завету мудрых ничему не удивляется; он знает и руды, знает и маралов, знает и пчелок, а главное и заветное — знает он травы и цветки. Это уж неоспоримо. И не только он знает, как и где растут цветки, и где затаились корни, но он любит их и любитесь ими. И, до самой седой бороды набрав целый ворох многоцветных трав, он просветливается лицом и гладит их и ласково приговаривает о их полезности. Это уж Пантелей Целитель — не темное ведовство, а опытное знание. Здравствуй, Вахрамей Семеныч! Для тебя на Гималаях Жар-Цвет вырос.»¹

Так записал в своем путевом дневнике в 1926 году, в алтайской деревне Верхний Уймон, Николай Константинович Рерих. Эти столь сердечные и дружеские строки выдающегося художника, посвященные крестьянину, уймонскому мужику, заставили задуматься, кем же был этот Вахрамей Семенович, какие отношения были у него с художником, и не живет ли он и его семья еще теперь в дальнем селении, не зная и не ведая дальнейших судеб Рериха, лишь долгими зимними вечерами вспоминая необычного гостя двадцатых годов.

Путешествие в Верхний Уймон не из простых. От районного центра — села Усть-Коксы, куда сейчас ходит по горному тракту маленький автобус, надо пройти по висячему мосту быструю Коксу, пересечь на пароме Катунь и тогда за лесом, за перевалом, за многими речками, у подножия высокого скалистого хребта, окруженная со всех сторон горными краями, будет скрытая от внешнего мира деревня.

Уймон — селение старинное, избы большие, рубленные из мощных лиственниц, окошки узки и высоко расположены, как строили на Русском Севере. История Уймона повествует, что образовали его дерзкие беглецы из западных краев России, бежав-

шие от крепостного гнета, церковной реформы Никона и новшеств Петра Первого, — раскольники.

...Видела Уймонская долина бои гражданской войны, гибель красногвардейского отряда Петра Сухова.

В Великую Отечественную все мужчины были на фронте. Опустели многие дома Верх-Уймона. У бабки Меладоры погибли муж и пятеро сыновей, у соседки ее — все девять сынов полегли. В который дом ни войди, везде война оставила раны.

Теперь Верхний Уймон обновлен. Среди посеревших древних изб виднеются свежие срубы. Выросла длинная улица новых домов, маслозавод, школа, магазин, столовая... Многое построено руками студенческих строительных отрядов.

Найти в Верхнем Уймоне людей, помнящих художника Рериха, оказалось не так уж трудно. Секретарь совхозной конторы Матрена Лукьяновна вспомнила, что тетка Агафья про какого-то художника рассказывала.

Агафья Вахрамеевна Зубакина², небольшого роста, пожилая женщина, с загорелым лицом, в многочисленных морщинках которого запечатлелась вся трудовая ее жизнь, оказалась дочерью того Вахрамея Семеновича, о котором писал Рерих.

Когда она увидела фотографию Николая Константиновича, лицо ее внезапно осветилось улыбкой, и сквозь набежавшие слезы Агафья Вахрамеевна воскликнула

— Он, он! Помню, Юра, сын, был! Какие хорошие люди были! Мало пожили, а добра много сделали...

В бревенчатом доме Зубакиной продолжился дальнейший разговор. Отец ее, Вахрамей Атаманов³, давно умер. Но Агафья хорошо помнит, как в годы ее молодости в их доме квартировал Рерих с женой Еленой Ивановой и сыном Юрием.

У Куприяна, по соседству, остановилась молодая чета, сопровождавшая Рерихов, которых Агафья считала дочерью Рериха с зятем, а в избе, что стояла в ограде отцовского дома, поселился «индус», работавший по хозяйству у путешественников и прозванный скоро уймонцами монахом, так как чаще всего видели его сидящим с накидкой на плечах и раскачивающимся. Не знали уймонские остряки, что ладакец Рамзана просто не мог приспособиться к местному непривычному для него климату.

О Рерихах вспоминала Агафья как о самых близких людях. Не знала она, что художник умер в Индии, что сын его Юрий привез на родину картины отца. Фотографию художника она не выпускала из рук, все поглядывала, вытирала краем фартука влажные глаза.

— Шибко хорошие люди были! Молодильные, разговорчивые. Со всем народом говорили. Сама была вся беленькая, светлая. И волосы светлые, и глаза. Шибко красивая была. Длинный сарафан у нее был, долгая одежда. Широкое, очень длинное носила. Вся одежда здешняя. Окошки открывать любила. Возле окна обычно сидела. Все писала, писала. Не по книгам, а на память писала. Бывало, в окошко высунется, а я внизу во дворе с подругами сижу, болтаю, позовет меня: «Аганя!» и расскажет мне что-то. Не помню уже, о чем. А раз забежала я, вижу — слезы у нее на глазах. «С чего это?» По младшему сыну, говорит, скучаю, и плачет. Три года его не видела. Учился все где-то...

А сам тоже весь светлый был. С седой бородой, в сером костюме, хоть и жара на дворе, в тубетейке. А выйдет на улицу, еще поверх тубетейки шляпу наденет. Много книг у него было всяко разрисованных. Сам все книги расписывал, сам показывал. Много народу к ним шло, многих сам звал. Лаптев часто бывал и другие. И Серапион сколько раз заходил. Все они простые люди были, зять только неразговорчивый. Грустный был, вся личность темная. Все со стариком говорит, говорит, старик только по-нукал. А дочь прибежит, как бабочка порхает, по камушкам. У нас дожди прошли, кругом лужи, грязь, а она в туфельках, вся беленькая, каблучок такой... Мы от калитки до дома дорожку из камней уложили...

И Юра простой был. Двадцать три года ему было. Молод был, а бородку не брил. Здесь рубашку купил, коленкоровую, зеленую. — лавка тут по дороге была, купца Печенина. Все в той рубашке бегал. Навыпуск ее носил. Мне та рубашка совсем не нравилась, — как у всех мужиков. А ему она почему-то мила была. До дому хотел довести, осторожно велел стирать, чтобы не полиняла, не порвалась. Меня к ним в хозяйки взяли. Как приехали, отец всех нас четырех сестер в ряд поставил, а меня взяли. Сами выбрали. Просто так заходить не велели. Только позвуют когда. Готовила я им Оладья, пирожки стряпала, с малиной, с творогом. Пирожки прямо в масле варила, удивлялись они: пирожки махонькие-махонькие. Юра на кухню прибежит,

смотрит, чтоб я сама готовила. Говорит: «Тебе поручено, сама стряпай, сама и приноси». Иной раз индус им стряпал. По-русски плохо говорил, лет пятьдесят ему было. Только шибко мало кушали. По одному пирожку съедят, и сыты, а сами здоровые. В шесть часов утра вставали. Шибко много работали. Утром встанут, в халатах все, и Юра. А придут вечером, переоденутся и опять за работу... Керосин не жгли, при свечах вечером жили. Старик больше у себя сидел, а Юра бегал или в горы выезжал. А иной раз вместе ездили. И сама ездила. Ей коня смиренного нашли. Здесь ездить учились. Говорила: «Теперь уже смелее езжу». Мой бабушка их водил...

Оказалось, что отец ее, Вахрамей Атаманов, был выдающимся человеком, известным проводником. Знал здесь все тропы. Уже с 1905 года стал водить людей. Водил ученых, художников. Часто сопровождал по Алтаю и к Белухе профессора Томского университета Саложникова⁴. Водил купца Михаила Тобокова. В 1909 году был у него художник Арбунов, писал горные пастели, портреты мужиков, рисовал девок в ярких нарядах. Знаменитый алтайский живописец Чорос-Гуркин⁵ был своим человеком у Вахрамея. В доме Вахрамея висела картина, подаренная Гуркиным, — могучие горы, быстрая река на переднем плане, и по непроходной жердочке переходит ее алтаец. Бывал и Атаманов в гостях у Гуркина, в его доме-мастерской, в Аносе⁶.

Славился Вахрамей всякими знаниями. Дома у него была коллекция разнообразных камней, собранных в походах с учеными. И кузнецом он был хорошим, кузня была своя. Овчины выделывал вместе с семьей, с внуками, которых с малых лет приучал к ремеслам.

Выписывал книги, журналы. Собирал целебные травы, корни, цветы, которыми так богаты луга алтайские. И врачевал успешно людей и животных. Из Москвы к нему ботаники ездили, чтоб справляться насчет лечебных свойств растений, названия уточнять.

Когда организовали кооператив, первым в него вступил. Сам создал комитет по взаимопомощи в Уймоне.

Дом его был двухэтажным, шестистенным, расписанным внутри. На светло-голубом фоне были узоры трав и цветов, в одной из комнат была роспись с красной чашей. Дома было очень чисто. Вокруг — палисадник с цветами. На втором этаже были две комнаты, разделенные коридором, балкон деревянный выходил на сторону двора. Здесь квартировали многие путешественники. Здесь разместились и Николай Константинович Рерих с Еленой Ивановой и Юрием.

Когда Рерих работал в своей комнате, к нему никто без приглашения не заходил. Вахрамей единственный мог заходить в любое время. Видно, что-то очень сближало их.

Возможно, художник, любивший народные легенды, использовавший их часто в своих картинах, нашел здесь талантливую сказителя. Возможно, Вахрамей своей ув-

леченностью сельского лекаря походил на того легендарного Пантелея Целителя, которого Николай Константинович не раз изображал на своих картинах. Возможно, в нем сочетались чуткость сердца и широта ума, так ценимые в народе художником.

Любопытно и то, что своей внешностью, согласно описаниям,— средним ростом, крепко сложенной фигурой, спокойным лицом с высоким лбом и чуть по-восточному выделявшимися скулами, небольшой седой бородкой, Вахрамеем мог быть похожим на Рериха. И были они, как два брата — мужик и интеллигент, оба любившие красоту и находившие радость в работе на пользу людям, оба стремившиеся к широким познаниям.

Вдвоем они часто беседовали обо всем, что было значительно и жизненно: о проблемах современного хозяйствования, о необходимости кооперации и сельскохозяйственных машин, о полезных ископаемых в горах, о народных легендах. Эти непринужденные беседы запечатлелись в дневнике Николая Константиновича.

«И считает Вахрамеем число подвод с сельскими машинами.

После индустриальных толков Вахрамеем начинает мурлыкать напевно какой-то сказ. Разбираю: «А прими ты меня, пустыня тишайшая. А как же мне принять тебя, нет у меня, пустыня, палат и дворцов...»

Знакомо. Сказ про Иосафа. Знаешь ли, Вахрамеем, о ком поешь, ведь поешь про Будду. Ведь Бодисатва — переделано в Иосафа.

Так влился Будда в кержацкое сознание, а пашня довела до машины, до кооперации...»⁷

В воспоминаниях уймонцев порой трудно отделить правду от вымысла, действительные события от широко распространенных легенд, имевших хождение среди староверов-кержаков. Популярно, например, в Верхнем Уймоне слово «Беловодье» И Агафья, и родственники ее, и Огневые-соседи, и другие сельчане знают легенду о «дальнем месте в горах, где жизнь счастливая», которое находится где-то на юге, то ли в Тибете, то ли в Гималаях. Легенда брала в уймонских краях с тех дальних времен, когда смелые переселенцы искали в горах богатые и плодородные места для селений. С тех пор легенда о Беловодье⁸ срослась с этими местами настолько, что и сам этот край до сих пор называют Беловодьем, где в Аккеме-реке вода молочно-белая, где Катунь пенит белые волны, где сияют вечные снега белых белков Белухи.

Рассказывая о больших путешествиях Рерихов, Агафья Зубакина подчеркивает: — Они и на Беловодье были! Три дня там гуляли. Идешь, с одной стороны — горы, с другой — болота. Никто не может доехать. Туман покрывает, только пелухи слышны. А им раскрылось. Фотографии показывали оттуда... Василисе скатерть подарили, кому-то рубаху оттуда. Скатерть белая, вышитая черными цветами. Шаль белую, вязаную. Из Беловодья все. Мне платье свое сама дарила, шарф, полушалок, чулок три пары. Чулки крепкие, шелковые. Я верхом

ездил, не рвались. Флакон духов подарила. Сама сказала: «Только положи в сундук, вся одежда пахнуть будет, тебе надолго хватит».

Мужики спрашивали, чего они на Беловодье не остались, раз они там были? А сам ответил, что и другие страны повидать надо, и много что сделать.

Здесь они камушки собирали. Сама говорила: «Если Урал богат, то Сибирь еще богаче». И мужики им камни носили. Они возьмут, определяют, спросят, с какого места взято, запишут. После по этим местам ходили, проверяли. «Правильный народ,— говорили,— не соврали».

Коробка у них в избе стояла, с денгами. Придут люди, камни принесут, или опояски кто продает, из коробки берут, платят. Просто так открыто стояла... Мне батюшка сказал: «Смотри, не запипись!» Я того ящика боялась, стороной обходила.

Опояски самотканые, узорчатые, со словами, шибко им нравались, много покупали. Сама выпросила меня одеться в бухтарминскую⁹ одежду, по-девичьи шаль, сарафан цветастый — чтоб сфотографировать. Меня одну и с батюшкой, отовсюду — и спереди, и сбоку — раз пятнадцать сфотографировали. Юра снимал, говорил: «Будешь у нас по стенке бегаешь»¹⁰.

...Зашла в избу Фекла Семеновна¹¹, седая старушка, сестра Вахрамея Атаманова. Прислушивается, добавляет задумчиво:

— Высоко в горы ездили. Не простой он человек был, особый. Наперед все знал. Помню, по горам ехали, долина внизу, рядом с Уймюном. Он и говорит: «На этом месте село будет» Да где село будет? Ничего тут нет. А вот потом селиться там стали, село выросло — Тихонькое. Когда мужики гуляли, песни пели, пьянствовали, ходят по селу, падают,— они к себе уходили, окна закрывали. Сам говорил: «Нет в вас крепости!»

А соседка, Капитолина Ипатьевна Чернова, жившая рядом с Атамановыми, тоже помнит Рерихов особенно Елену Ивановну, которая с ней не раз говорила. Напоминает она, что после из Индии, Рерих прислал в Уймюн журнал, не по-русски было написано где фотография была Вахрамея с Рерихом как они по горам ходили. Не сохранился журнал...

— Мне толку нет рассказывать,— говорит Агафья.— Серапион, что живет в Тихоньком, лучше помнит. Он сродни Вахрамеем...

Село Тихонькое расположено рядом с Верхним Уймюном, километрах в четырех. Оно действительно «тихонькое» — немного изб, широко разбросанных, кольцом окружили их горы. Тишина.

В большом бревенчатом доме Серапиона Семеновича Атаманова¹² приятно пахнет воском. За окном — разноцветные ульи. Взяв на колени маленькую внучку с опухшим от пчелиного укуса носиком и нежно поглаживая ее белую головку своей большой ладонью, он не торопится сразу рассказывать. Его облик живо напоминает образы северных богатырей из картин Павла Корина. Сидит он прямо, не сутулясь,

несмотря на преклонные годы. У него большая окладистая борода, спокойное лицо, в котором сочетаются суровость и доброта.

Память у него прекрасная. Всех членов экспедиции знает по имени и отчеству. Сопровождавшую Рериха чету не называет «дочерью с зятем», знает, что это журналисты и исследователи из Нью-Йорка.

Рассказывает Серапхион:

— Три экспедиции были в 1926 году. Двадцатого июля пришла экспедиция из Москвы. Брали камни и увозили с собой. Много их было. На Тянь-Шань и на Белуху ездили. В первых числах августа уехали. Рерих, Николай Константинович, в начале августа приехал. С ним была жена Елена Ивановна, сын Юрий. Был с ним Морис Михайлович Лихтман с супругой Зинаидой Григорьевной. Не похожи на Рерихов, чернявые, напереворот по-русски говорили. С Америки приехали. Оттого всю экспедицию «американцами» прозвали. Но Рерихи не американцы — русские они.

Два года уже путешествовали. Из Индии пришли на караванах через Тибет. У озера Зайсан границу пересекли. До Омска на пароходе приплыли документы получать. Потом в Москву ездили. Хорошо их там встречали. Большие были встречи. Из Москвы — сюда. Вахраем их водил. В свое время Вахраем водил Василия Васильевича Сапожникова, ученого человека, художника Гуркина. Последний раз Сапожников был у него в 1915 году. Перед тем еще до войны проходили горными тропами, на Белуху ходили.

Рерих в горы ездил на лошадях. За маральником, камни собирали. При мне Морис Михайлович камни опробовал, всякие разные. Двенадцать дней здесь пробыли, в конце августа уехали. Уехали через Усть-Коксу, Усть-Кан, Бийск, Новосибирск. Другие ожидали их в Иркутске...

Семья у Вахраема была крупная, как в старину водилось по крестьянскому обычаю. Было пять братьев и пять сестер. Брат Вахраема — Тимофей еще жил в Огневке, недалеко от Уймона. Другой брат — в Ленингорске, лет девяносто ему. Младший, Федор, погиб в Великую Отечественную. Он был лучшим бригадиром в совхозе, и бригада его была передовой. Когда уходил на фронт, всем селом его провожали. Из детей Вахраема многих нет в живых. Из пятерых сыновей один Василий остался, в Усть-Коксе живет.

Василий Вахрамеевич Атаманов¹³ во время приезда Рерихов был председателем сельсовета в Верхнем Уймоне. Мы застали его тяжело больным. Лежит в избе на деревянной кровати, у беленой печи. Дочь и внуки приподнимают его, чтобы поговорил с гостем.

Василий Атаманов хорошо помнит, как ездил и работал Рерих:

— Излазил Вахраем с ним многие горы. Рерих любил очень и уважал природу. Лазил на белки Студеный, Погорелка, Большой Батун, Малый Батун. Очень ему нравились. На лошадях взобрались на Теректинские горы, оттуда посмотреть вершину Белухи. Рисовал ее, фотографировал. И

с других мест ее рисовал. И с вершины Студеного белка рисовал Белуху. Без тумана удалось увидеть. Картину я видел. Две вершины Белухи были нарисованы. Ездил к подножию Белухи, но на нее не заходил. Ехали той дорогой, по которой и теперь проезжают, что по правой стороне Катуня, через Кочурлу. Какими перевалами, — не могу сказать.

В основном рисовал белки, природу. Фотографировал и маралов. У Юрия был киноаппарат. О Вахраеме фильм заснял, о жизни его, о его опытах, науках.

Гуркин тоже рисовал Белуху, Катин-баш, Катунскую голову, как говорят алтайцы. Рерих Гуркина хвалил, что способный.

В Уймоне, помню, Рерих рисовал Бочкареву Варвару Ипатьевну, черноглазую красавицу в ярком цветастом сарафане. Говорил: «Будет эта девушка в музее».

Много разговоров у нас было о золоте в горах, о ключе золотом, о нефти в степи. Камни собирали. Для минералов бабы им мешочки шили. По сбору пород Лихтман у них работал. В газете «Сельская правда» писали, что он приехал советских ученых на международный съезд в Северную Америку пригласить.

С Вахраем были они на асбестовом заводе в Околе. Строили завод братья Минешевские. Застраховали его на большую сумму и сами спалили. Рерих говорил: «Это возобновят, сможете подработать». Мы ему про малые заработки толковали.

Усть-Коксинскую долину Рерих очень любил. Помню, говорил, что это один из красивейших уголков России, обладающий такими красотами, живописной природой, богатством в земле, прочной почвой, на которой строить можно этажи выше, чем в Америке. Говорил, в будущем между Уймоном и Катандой в долине будет город построен и пусть называется он Звенигород. Мужики слушали это, спрашивали, а где взять воды для города? А он отвечал, что водопровод проведут.

Рерих и Чудьями интересовался, могильниками, про Чудь записывал, самозаконпавшуюся, которая не хотела остаться под белым царем. Вырыли Чуди ямы, поставили стойки, камни сверху навалили. С конями, со скотом и детьми туда залезли, вырвали шесты и камнями засыпались. Это — когда белая береза появилась в здешних краях...

Войну не любил Рерих. Просил, чтоб показали ему, где народ побит в горах, где памятники партизанам. На Большом белке Вахраем показал место расстрела. Одиннадцать партизан там лежало. Помню, были там Клепиков, Лебедев, Парамонов. Рерих взял гладкую каменную плиту и написал на ней что-то, положил вниз надписью к могиле. Потом эти могилы были раскопаны, похоронили всех по родным местам. Был он в том месте, где стоял деревянный памятник Петру Сухову.

Лошадей меняли в каждую поездку. Не хотел Рерих садиться на Вахрамееву Пеганку, мол, она тряскачая, ему нужна иноходная. Все ездили в горы, всей семьей. Женщины тоже, женщины, как мужчины, были в брюках, сапожки расшитые, цвета-

стые или простые, на головах шляпки с полями.

Елена Ивановна с женщинами часто общалась, много говорила с ними. Любила очень маленькую Олю, дочку моего брата Прокопия, года четыре ей было. В доме Вахрамея она жила. На колени ее брала. Пока у нас жили, все с ней игралась, на руках таскала. Красивая была девочка, полненькая, спокойная. Просила очень отдать ей девочку, удочерить. Елена Ивановна много писала. Над Юрием, слышал, шутила, мол, он ленивый, дневника писать не хочет.

Спрашивал меня Рерих, какие есть школы, сколько их, сколько детей учится. Коллективизации тогда еще не было. Показал я ему дом инвалидов в Верхнем Уймоне, двенадцать человек там было, в старой школе жили. Он им денег дал, много, шесть коров тогда купить на них можно было. Старики шибко обрадовались. Пришел один мужик в дом к ним, не знал, как благодарить, стал на губной гармошке играть.

Лаптев, Федор Петрович, часто к ним заходил. И с теткой Агашевной¹⁴, художницей, много разговаривали.

О верх-уймонской художнице, тетке Агашевне, или бабушке Агашевне, вспоминают и сегодня в окрестных селах не меньше, чем о Вахрамее, ее родном брате. Ее домик, стоявший недалеко от горы возле реки, очень украшал село. Домик был «круглый»¹⁵, под розовой крышей, крытый железом. Снаружи и внутри был окрашен снежно-белой краской с узорами цветов и трав, изображениями птичек и зверей. На окошках — изящная резьба. В одной комнате пол был покрашен под рисунок цветных дорожек, в другой — имитировал затейливый персидский ковер. Все украшалось с неудержимой фантазией.

Домик ее был буквально сказочным, привлекал взоры взрослых и детей. Никто не проходил мимо, чтобы не посмотреть.

Краску бабушка Агашевна готовила сама, варила олифу, что-то смешивала. С художником Гуркиным была хорошо знакома. Ее приглашали расписывать избы и в Усть-Коксу, и в Мульту, и в Нижний Уймон. Однажды за такую работу подарили коня.

И не только дома расписывала. И люльки детские, и деревянную посуду, квашни, кубышки, бочонки, прялки — то в «горошек», то цветами и травами. И мебель тоже покрывалась узорами, цветами, птицами. Весь дом превращался в чудо-терем из русской сказки.

Все удивлялись, как она умеет так чудно «красить». И птички, и звери были с «характером», то горделивые, то находчившиеся. А «рисовала» птичек любопытно — макала в краску ладонь, ребром прикладывала к стене и — птичка готова. Загнутый мизинец образовывал головку с клювом. А узор в «горошек» наносила пальцем. Имела и кисточки, и краску в горшочках, как старинные живописцы. Краска ее была очень стойкой. Еще теперь, спустя три четверти века, ее творения радуют глаз. Росписи ее

можно увидеть в Барнауле, в Музее изобразительных и прикладных искусств, в альбоме по народному искусству Алтая¹⁶.

Бабушка Агашевна и «книжки писала». Давали ей реставрировать старинные рукописные тома. И письма писала всей деревне. Наденет очки в черной раме, наклонится над бумагой и начнет выводить самодельным гусиным пером ровные, аккуратные строчки. Чернила делала сама, из березовой чаги. А написанные строчки посыпала золой — вместо промокашки. В верхнем краю листа мудрила заставку, то узорчато-травяную, то затейливую с фигурами. Буквицы обязательно были большие, в старославянском стиле.

Под именем тетки Елены бабушка Агашевна сразу узнается в дневниковой записи Рериха:

«А вот и Вахрамеева сестра, тетка Елена. И лекарь, и травчатый живописец, и письменная искусница. Тоже знает травы и цветки. Распишет охрой, баканом и сурком любые наличники. На дверях и на скрынях наведет всякие травяные узоры. Посадит птичек цветистых и желтого грозного леу-хранителя. И не обойдется без нее ни одно важное письмо на деревне. «А кому пишешь-то, сыну? Дай-ко скажу, как писать». И течет длинное жалостливое и сердечное стихотворное послание. Такая искусница!»¹⁷.

Продолжая свои воспоминания, Василий Атаманов рассказывал о последних днях пребывания Рерихов в Верхнем Уймоне:

— Ожидали они приезда Пономарева, исследователя. Списались с ним, в то время в Казахстане он был. Тоже на Белуху хотел идти. Условились встретиться здесь. Но отъезд их выпал раньше, чем думали. Около месяца собирались здесь жить. Все же очень хотели с Пономаревым увидеться. Помню, Рерих мне говорил: «Так и не дождемся, так и не встретимся». Мне пакет с письмом для Пономарева дал. Потом он приезжал, погостил у нас пару дней и уехал в Москву. Отца моего, Вахрамея, упрасивали Рерихи с ними поехать попутешествовать, природу им помочь изучать, другие страны повидать. Не согласился отец, в семье остался. Упаковались они и уехали. До Бийска провожал их отец. Потом уже из газет узнали, какие это были видные люди. По сообщениям и снимкам вышло то же, что в Новосибирске шибко хорошо их принимали и провожали. Вахрамей им письма писал. И они ему. Травы разные, лекарства в посылках им посылал. Говорил нам: «Надо послать, надо послать!..».

Среди рассказов о Рерихе очень любопытны воспоминания той маленькой девочки Оли, которую Елена Ивановна хотела удочерить. Теперь Ольга Прокопьевна живет в Бийске.

— Помню очень хорошо, как будто не так давно это было, — говорит Ольга Прокопьевна. — Мы играли во дворе. Видим, дедушка наш, Вахрамей, отворяет ворота. Мы побежали посмотреть. Въезжает ходок, две лошадки запряжены. В ходке молодой светло-русый парень — Юрий, как шотом

узнала, Рерих и Елена Ивановна. Как живые они перед глазами... Потом знакомилась. Дедушка спрашивал, кто прислал? «Нам сказали, что у вас всегда путешественников принимают», — отвечал Рерих. В нашем доме на втором этаже они жили. В комнате Рериха было очень много всяких банок, лежали большие свертки бумаги, очень много книг было. Мы когда с сестрой Таней и подружками заходили, он нам книги раскладывал, с рисунками, с картинками. Рассказывал.

И всегда Рерих меня носил на руках, когда спускался вниз по лестнице, потому что я была маленькая, толстенная и часто падала. Он мне руки мыл под умывальником, похожим на чайник. Говорил: «Руки надо мыть, грязные руки».

Сколько они жили у нас, я всегда была с ними.

«Марина Карпеевна! — говорили Елена Ивановна и Рерих моей маме, — отдайте нам Олю в дети!»

Когда дедушка ходок запрягал или когда верхом собирались ехать, мы с Таней прибежим, на лошади просим покататься. Рерих меня садил в седло, брал за повод и водил лошадь по двору. А потом они с дедом уезжали в горы. По утрам Елена Ивановна мне всегда косу заплетала, ленточки вплетала. Один раз, помню, надела на меня белое платье с цветочками, с бантиком впереди, сама она сшила. Потом пошли показываться маме.

Мама у нас была больная, рука у нее парализованная. Дедушка почти все сам делал, готовил, печку русскую топил. Когда они жили, помогали деду готовить. Такие были люди, всегда помогали. Все спрашивали, как ухватом чугуны ставить, а как это называется — клюка, угли загребать, а это — сковородник. Раз Юра взял ухват, начал чугуны в печь ставить и навалил, весь суп на пол вылил. За голову схватился. А дедушка смеялся только. Это сильно я запомнила. А как уезжали они, — не помню. Только запомнилось, что собачка ихняя осталась и целое лето жила у нас. А потом что-то случилось, она пропала. Дедушка так жалел...

Среди записей Рериха о встречах в Верхнем Уймоне есть следующая:

«Приходит заезжая художница... И ходит художница и зарисовывает старые уголки: ворота, наличники окон, разные балки и коньки крыш, точно последний список вещей перед дальним путем»¹⁸.

Удалось выяснить, что здесь речь идет о художнице Наталии Николаевне Нагорской¹⁹, которая ряд лет провела в Уймонской округе и стала родной и близкой ее жителям. Наталия Нагорская собирала для Новосибирского краеведческого музея предметы крестьянского прикладного искусства. Она зарисовывала все богатство народных изделий, которые здесь устояли перед влиянием времени и являли собой богатую картину крестьянского быта русской старины. Писала акварели — деревенских девушек в бухтарминских нарядах, срисовывала самодельные живописные пояски и вожжи,

копировала вышивки, списывала украшения изв и предметов быта.

О своей встрече с Рерихом она рассказывала так:

— Я жила в Нижнем Уймоне, у Железнова. На улице слышу разговор: «Сын повез медвежатину американцам, может, купят...». Я спросила: «Где «американцы»? Что за «американцы»?» — «Они в Верх-Уймоне», — говорят. Мне интересно было посмотреть на них. Пошла к знакомой женщине, попросила коня. Я была платком повязана, в сарафане, как все в деревне, на плече сумка. Поехала в Верх-Уймон. Во дворе возле столба привязала лошадь. Поднимаюсь по деревянной лестнице на второй этаж. В сенях стоит деревянный резной диван. Стучусь.

«Кто там?» — слышится голос.

«Здесь какие-то «американцы», я хотела посмотреть».

Выходит мужчина с седой бородой, в верблюжем свитере.

«Не американцы, а путешественники. Я Рерих».

«Рерих! Боже мой! Я люблю ваши картины: «Строят город», «Заморские гости», «За морями земли великие...» — Я сложила руки на груди, голову наклонила. — Ваши картины воспитали у меня чувство любви к родине, к истории русского народа. Вы вернулись на родину?»

«Я не покидал родины. Я путешествую».

Встреча было недолгой. Рерих был болен или устал после дороги, извинился. Вышли две женщины, может быть, Елена Ивановна. Я показала им рисунки из своего альбома.

Во всех воспоминаниях старожилов Уймона называли Лаптева, что частенько бывал у Рерихов.

Федор Петрович Лаптев²⁰ в двадцатые годы жил в Верхнем Уймоне, был агентом «Заготпушнина», молодым, активным, любознательным. Когда разговор коснулся Рерихов, глаза его засветились сердечностью:

— Николай Константинович посоветовал мне учиться. Несколько раз повторял: «Надо учиться, учиться!». Но я был молод, не придавал значения... Я был примерно одного возраста с Юрой и с ним больше и чаще общался.

Однажды я больше узнал о Рерихе. Зашел в дом, никого не было, кроме Елены Ивановны. Мы долго беседовали. Она рассказала, что Николай Константинович известный художник, что у него много учеников. Я тогда думал, что это она так только рассказала... В его комнате все стены были увешаны этюдами, набросками, картинами. С мольбертом он не расставался, очень много работал.

...Много в Уймонской долине людей, встречавшихся с Рерихами. Для всех встреча с семьей художника была значительным событием жизни. Атамановы, Лаптевы, Черновы — все помнят Рериха. Проводили они всем миром путешественника за околицу, по большаку направился он в крупные города, откуда по железной дороге собирался проехать к великому озеру Байкалу, в широкие степи Монголии. Проводили уй-

монцы Рериха и потом ждали. Ждали, чтобы снова с ним по голубым горам Алтая походить, легенды отцов вспомнить, о Звенигороде пометчат.

Говорил Рерих своей хозяйшке Агафье:

— Я приеду и Ваню, сынишку твоего, грамоте научу.

Помнят уймонцы его слова:

— Золотые здешние места. Из любого ключа пей — безопасно. Через лет пять будем тут...

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ N. Roerich. *Altai-Himalaya*. New-York, 1929. *Altai* (1926).

² Зубакина Агафья Вахрамеевна умерла в 1973 году.

³ Атаманов Вахрамей Семенович умер в 1931 году.

⁴ Сапожников Василий Васильевич (1861—1924), профессор Томского университета, ботаник, географ.

⁵ Гуркин Григорий Иванович, из рода Чорос (1872—1937), алтаец, живописец, пейзажист. Большинство картин посвящено горам Алтая. Учился в Петрограде, в Академии художеств. Ученик И. И. Шишкина.

⁶ Село Анос — Элекмонарского района, Горно-Алтайской автономной области.

⁷ N. Roerich. *Altai-Himalaya*. New-York, 1929.

⁸ Возникновение легенды о Беловодье и поиски его крестьянами Алтая исследованы в книге «Бухтарминские старообрядцы». Изд. Академии наук СССР, Ленинград, 1930 г., вып. 17, Казахстан.

⁹ Бухтарминская одежда — старорусская, покроя допетровских времен. В бассейне реки Бухтармы, в казахском Алтае, было

много сел раскольников (староверов), откуда пошло название.

¹⁰ Ю. Н. Рерих снимал кинокамерой.

¹¹ Атаманова Фекла Семеновна, сестра В. С. Атаманова (В. Уймон).

¹² Атаманов Серапион Семенович умер в 1969 году.

¹³ Атаманов Василий Вахрамеевич умер в 1972 году.

¹⁴ Атаманова Агафья Семеновна умерла в 1946 году.

¹⁵ Дом с перекрещенными внутри бревенчатыми стенами — «крестовик». Дом получался квадратным, одинаковым со всех стен — «круглым».

¹⁶ Н. И. Каплан. *Очерки по народному искусству Алтая*. Москва, 1961 г.

¹⁷ N. Roerich. *Altai-Himalaya*. New-York, 1929.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Нагорская Наталия Николаевна (1894 г. р.), художница, училась у В. А. Фаворского в ВХУТЕМАСе. С 20-х гг. живет в Новосибирске.

²⁰ Лаптев Федор Петрович жил в Бийске, умер в 1969 году.